
А.С.Андреев

Объединять или разделять?

Коминтерн и Компартия Уругвая в поисках профсоюзного единства (1920—1938)

В статье на основе документов фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории и коллекции документов III Интернационала Центра исследований истории и культуры левого движения (Аргентина) показано место профсоюзов в коммунистическом движении Уругвая, а также рассмотрены особенности взаимодействия компартии Уругвая и Коминтерна в контексте создания единого профсоюзного центра страны.

Ключевые слова: Коминтерн, Профинтерн, компартия Уругвая, Э.Гомес, профсоюзы.

История Коминтерна до сих пор в известной мере является «лакуной» историографии. Несмотря на открытие архивов, появление новых, ранее недоступных исследователям документов, многие стороны деятельности международного рабочего движения ждут своих исследователей. Особенности формирования организационных связей III Интернационала, основанного В.И.Лениным в 1919 г., с левым движением Латинской Америки, отдельные сюжеты из истории компартий континента уже попадали в поле научного интереса отечественных и зарубежных ученых. Однако довоенная история многих латиноамериканских компартий, в том числе компартии Уругвая (*Partido Comunista del Uruguay, PCU*) изучена недостаточно. И в отечественной, и в зарубежной историографии отсутствует полное и всестороннее исследование истории левого движения Уругвая.

В существующих работах, посвященных истории коммунистического движения страны, рассматривается политическая биография Роднея Арисменди (первого секретаря компартии в 1955—1989 гг.)¹, послевоенное развитие партии и кризис 1955 г.², история создания коалиции «Широкий фронт» (*Frente Amplio, FA*) и эпизоды ее борьбы с диктаторскими режимами 1973—1985 гг.³, причины и последствия партийного кризиса 1989—1992 гг.⁴. Недостаточное же внимание к ранней истории PCU зарубежных ученых связано, как нам представляется, с отсутствием доступа к источни-

Антон Сергеевич Андреев — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (anton.andreev89@gmail.com).

кам — документам Коминтерна, хранящимся в российских архивах, а отечественных — с общим изменением российского исторического дискурса в связи с социально-политическими процессами 1990-х годов.

При этом история левого движения Уругвая не только не теряет актуальности, но и во многом становится ключом к пониманию современности этой страны, в которой коалиция левых сил ФА является ведущей политической силой, формирующей правительство и определяющей векторы социально-экономического и политического развития⁵.

Профсоюзы, которые, по меткому выражению В.И.Ленина, являлись «приводными ремнями»⁶ общества, были основой рабочего движения Уругвая. Созданные в конце XIX столетия профессиональные союзы и их объединения последовательно защищали интересы наемных работников страны. Первой рабочей организацией Уругвая принято считать образованное в 1870 г. «Типографическое общество»⁷, ставшее основой для учрежденной в 1875 г. федерации рабочих Монтевидео⁸. В этом же году в стране прошла первая рабочая демонстрация, собравшая от 1500 до 2000 человек⁹. На рубеже XIX—XX столетий профсоюзы Уругвая активно участвовали в общественной жизни, наладив выпуск периодической рабочей печати, которая при этом была менее разнородной по сравнению с рабочей прессой Аргентины¹⁰.

К 1920 г. в Уругвае и Аргентине сложились похожие профсоюзные структуры. Ведущими организациями были анархистские региональные федерации рабочих — Региональная федерация рабочих Уругвая (*Federación Obrera Regional Uruguaya, FORU*) и Региональная федерация рабочих Аргентины (*Federación Obrera Regional Argentina, FORA*), созданные в самом начале XX в. и включавшие в себя значительную часть профессиональных союзов¹¹. К середине 1920-х годов к названным выше организациям добавились Объединение профсоюзов Аргентины (*Unión Sindical de Argentina, USA*) и Объединение профсоюзов Уругвая (*Unión Sindical del Uruguay, USU*), которые также находились под влиянием анархо-синдикалистов¹². Уругвайские профсоюзные центры отличались друг от друга не численностью, а составом. Основой FORU, которая насчитывала к 1935 г. 400 организаций-членов, были профессиональные союзы рабочих автотранспортной промышленности и водопроводчиков, в то время как имевшая схожую численность и структуру USU опиралась на союзы печатников и швейников¹³. Влияние профцентров на жизнь «распыленного и неоднородного»¹⁴ пролетариата страны было не особенно сильным, потому что наибольшую роль в жизни уругвайских рабочих играли автономные профсоюзы (строителей, трамвайщиков, булочников, газетчиков и проч.), которые к середине 1930-х годов составляли основную силу рабочего движения¹⁵.

В этих условиях профсоюзный аспект взаимоотношений между PCU, созданной в сентябре 1920 г., и Коминтерном заключался в определении тактики борьбы за создание единого профсоюзного центра и усиление коммунистического влияния в профессиональных организациях. На протяжении 1920—1930-х годов PCU и органы III Интернационала вели дискуссию о том, создавать ли собственный «революционный и коммунистический» профцентр или использовать существующие федерации, постепенно включая их в коммунистическое движение. Профсоюзный вопрос активно обсуждался на конференциях и съездах PCU, пленумах ЦК, в Латиноамериканском лендер-

секретариате Исполкома Коминтерна, но, несмотря на это, так и не был решен вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 г.

Впервые вопрос об усилении профсоюзной работы и создании профсоюзного центра встал перед PCU в связи с проведением партией тактики единого фронта, закрепленной на IV всемирном конгрессе Коминтерна в 1922 г.¹⁶ Единый фронт подразумевал союз компартии со всеми «левыми» организациями страны для решения проблем рабочего класса. Для реализации этих установок партия начала устанавливать связи с профцентрами, которые имели наибольшее влияние на пролетариат. К тому же именно FORU была первой «левой» организацией страны, обратившейся в адрес РСФСР с приветствием октябрьской революции¹⁷.

Однако анархисты не стремились уступать влияние в профсоюзах меньшей по численности и значению партии. Рабочие, заставшие активную деятельность FORU в период президентства Хосе Батлье (1903—1907, 1911—1915) по решению многих социальных проблем и получившие в результате новое прогрессивное рабочее законодательство, не видели в компартии выразителя своих интересов и не стремились участвовать в революционной работе. По меткому замечанию уругвайского историка Альберто Сендика, «если в понимании коммунистов компартия представляла пролетариат, то интересы рабочего класса Уругвая она не выражала»¹⁸. Так же как в Центральной Америке и в Мексике¹⁹, коммунистам не удавалось привлечь рабочих в свои организации и включить местные профсоюзы в работу с международным рабочим движением, что вынуждало их совершать попытки создания собственной коммунистической профсоюзной организации.

После основания в 1923 г. USU (что привело к фактическому расколу среди анархических профсоюзных организаций) профцентры стали терять организационные связи со II (Социалистическим) Интернационалом²⁰. Дезориентация крупнейших профсоюзных объединений позволила компартии вновь активизировать свою работу, но уже через использование потенциала Федерации морских рабочих (Federación Obrera Marítima, FOM)²¹, лидером которой был Эухенио Гомес — секретарь PCU и ее фактический лидер, участвовавший, так же как и Франсиско Пинтос, вошедший в 1922 г. в состав ИККИ²², в установлении связей партии с Коминтерном.

Задачей, стоявшей перед Э.Гомесом и компартией, было создание подконтрольной коммунистам профсоюзной группы, которая должна была войти в основанный в 1922 г. Профинтерн — Интернационал Красных профсоюзов. Помимо федерации морских рабочих PCU использовала профессиональные союзы, состоявшие в USU и симпатизировавшие событиям, происходившим в Советской России. Для реализации указанной задачи в 1922 г. руководство федерации направило письмо в адрес всех профсоюзных организаций страны о созыве Национального совета рабочих, который должен был стать платформой для объединения рабочего класса на основе политической программы компартии²³. Несмотря на то, что идея созыва совета и тезис о формировании Комитета рабочего единства озвучивались компартией и Федерацией морских рабочих, все организационные структуры, образованные в рамках реализации программы профсоюзного единства, сразу же оказались подконтрольны анархистам. Создание Комитета рабочего единства, который коммунисты предполагали использовать как

инструмент для усиления своего влияния в профсоюзах, имело обратный эффект, вызвав новый раскол внутри рабочих организаций.

В течение 1920-х годов уругвайская компартия не оставляла попыток реализовать тезис И.В.Сталина о том, что коммунисты должны «входить в профсоюзы и вести там систематическую работу по объединению рабочих»²⁴. Несмотря на активную агитацию, организацию стачек и забастовок, компартия не смогла включить рабочих в политическую жизнь, переориентировать их с поддержки умеренных анархистских профсоюзов на поддержку революционных профессиональных союзов, установивших организационные связи с Профинтерном. Схематизм идеологии и определенное «сектантство» партии, слепо воспроизводящей установки Коминтерна без анализа социально-экономической и политической ситуации в стране, не позволяли ей вести успешную организационную работу. Несмотря на активное экономическое развитие страны и рост промышленного производства, а значит и пролетариата, численность партии росла крайне медленно. К 1928 г. в РСУ состояло около 700 человек, подавляющая часть которых проживала в г. Монтевидео. В то же время из 300 тыс. рабочих страны в профсоюзах состояло не более 7 тыс.²⁵

В декабре 1927 г. Сталин заявляет о том, что «Европа вступила в новую полосу революционного подъема»²⁶. Этот тезис был воспринят как руководство к действию в Коминтерне, который на своем VI всемирном конгрессе провозгласил новую тактику международного рабочего движения, получившую название «класс против класса». Идея единого фронта и союза коммунистов с другими левыми силами была отринута. Связи компартий с анархистами и социал-демократами, объявленными главными врагами коммунистов и «социал-фашистами», были разорваны. Рабочих необходимо было ориентировать на выступления без профсоюзов, находившихся под влиянием умеренных «левых сил». «Реформистские профсоюзы, находящиеся под властью социал-демократии, являются частью аппарата капиталистического государства»²⁷, — писал в журнале «Борьба классов» в 1931 г. член Исполкома Коминтерна Дмитрий Захарович Мануильский.

Несмотря на новые установки Интернационала, работа компартий Латинской Америки в профсоюзах продолжалась. В сентябре 1928 г. в Монтевидео состоялась встреча профсоюзных лидеров Аргентины (Мигель Контрерас), Уругвая (Э.Гомес, Хуан Льярка) и Чили (Хуан Руис), на которой обсуждались вопросы тактики работы компартий в профсоюзах, а также установки IV конгресса Профинтерна и конференции профсоюзов Латинской Америки, состоявшихся ранее в Москве²⁸. Встреча в столице Уругвая была одним из мероприятий по подготовке Латиноамериканской конференции профсоюзов, открывшейся в Монтевидео 15 мая 1929 г. Проведение конференции при участии Москвы еще больше раскололо рабочее движение страны. За несколько дней до ее начала (в начале мая) было объявлено о проведении конгресса анархистских профсоюзов под лозунгом «Против подчинения московскому правительству!»²⁹.

Начало 1930-х годов ознаменовалось новым этапом в развитии профсоюзного движения Уругвая и РСУ. В 1931 г. на должность президента страны был избран Габриэль Терра, установивший в 1933 г. путем военного переворота диктаторский режим³⁰. Правительство Г.Терры начало вести решительную борьбу с рабочим движением: закрывались рабочие издания, запрещались организации, подавлялась профсоюзная жизнь. Компартия была вынуждена перейти на полуполюгальное положение, что негативно ска-

залось на ее численности и влиянии³¹. В условиях реакционных политических режимов (Г.Терры в Уругвае, Хосе Урибуру в Аргентине) компартии снова заговорили о создании единого фронта, который должен был объединить оппозиционные силы для борьбы с диктатурой. Вновь стали актуальны идеи профсоюзного единства и создания общего профцентра. Руководство Коминтерна, имевшее представление о происходящем в стране, не только не мешало реализации подобных идей, но и наоборот, выступало с предложениями о создании единой рабочей партии страны³².

Как и в Аргентине, фундаментом для профсоюзного единства являлась образованная в 1929 г. Всеобщая конфедерация труда (Confederación General del Trabajo del Uruguay, CGTU) — организация, сформированная PCU на основе Блока рабочего единства — коммунистической профсоюзной группы, ранее исключенной из USU за чрезмерную радикальность³³. Задачами профсоюзного единства и вновь создаваемого единого фронта рабочих партий были восстановление демократических свобод, всеобщая амнистия политзаключенных, улучшение положения рабочих и крестьян³⁴. Создание единой партии пролетариата превратилось из мечты в реальную организационную цель. Главным врагом коммунистов были объявлены феодально-буржуазные группировки, приведшие к власти реакционные режимы³⁵.

Нараставшее к середине 1930-х годов стачечное движение, массовые забастовки требовали от всех оппозиционных сил Уругвая определения политической тактики. В связи с этим к 1936 г. анархисты и коммунисты подготовили две объединительные программы, которые получили название «Программа меньшинства» и «Программа большинства», соответственно. Основной проблемой была выработка организационных механизмов для создания единого профсоюзного центра, а также формулировка главных политических требований, актуальных для предстоявших парламентских выборов.

Под эгидой единого профсоюзного центра предполагалось объединить коммунистическую Всеобщую конфедерацию труда, у которой были связи с Профинтерном, с анархистскими центрами — USU и FORU, имевшими большее, по сравнению с компартией, влияние на рабочих. Но с самого начала работы над проектами общей оргструктуры и политической программы вскрылись противоречия между анархистами и PCU. Обе группы обвиняли друг друга в сектантстве и нежелании менять позицию³⁶. Они не могли договориться о том, какова будет роль профсоюзов в политической жизни страны после создания единого центра: должны ли профсоюзы быть аполитичными или, наоборот, являться «передаточным механизмом от партии к массам»³⁷; открытыми также оставались вопросы о целях и ближайших задачах профсоюзного единства.

Анархисты предлагали создать единый профсоюзный центр для «установления свободного строя, основанного на равенстве, уважении, благосостоянии и справедливости для всех». Он должен был работать на основе конфедеративной системы, в которой отдельные организации имели бы «административную автономию». Такая же автономия предусматривалась для самого центра в его взаимодействии с континентальным и международным рабочим и профсоюзным движениями³⁸.

Проект PCU отличался от проекта анархистов, но при этом в некоторых аспектах и совпадал с ним. Коммунисты высказывались за использование всех способов политической борьбы, в том числе за участие в выборах, от чего отказывались анархисты, призывавшие к «акциям прямого дейст-

вия» — забастовкам, митингам, стачкам. Профсоюзный центр, согласно «Программе большинства», должен был бороться за единство континентального и международного рабочего движения, за единство профсоюзного Интернационала. Целями работы профцентра провозглашались свержение реакционного правительства, а также борьба с феодальными пережитками в хозяйстве страны и с врагами рабочего класса³⁹. При этом оба проекта предполагали сокращение рабочей недели, увеличение заработной платы рабочих, реализацию законов о социальном страховании, введение ежегодного оплачиваемого отпуска.

В связи с указанными выше противоречиями ни один из проектов не был принят. Анархисты, имевшие большое влияние на профсоюзы, желали обеспечить себе его и в руководящем органе единого центра. Коммунисты, действовавшие при поддержке Коминтерна, хотели поставить создаваемую организацию под свой контроль и использовать ее для реализации собственной политической программы. Встречи Э.Гомеса с лидерами USU и FORU, продолжавшиеся в 1936—1937 гг., не дали результата, и работа по созданию единого профцентра была фактически остановлена, несмотря на многочисленные заявления и анархистов, и PCU о его необходимости.

Проект единой пролетарской партии, одобренный Интернационалом, также не был реализован. На VII всемирном конгрессе Коминтерна, состоявшемся в 1935 г., была провозглашена новая тактическая задача — создание «Народного фронта», целью которой было объединение всех демократических сил страны, включая социал-демократов, в борьбе с нарастающей фашистской угрозой. PCU приняла новые установки и начала работу по их реализации. В условиях единства левых сил в рамках Народного фронта, в создании которого участвовала PCU⁴⁰, отпала необходимость в других объединительных платформах. Важной проблемой стал поиск соотношения между Народным фронтом и движением к профсоюзному единству.

Следует отметить, что анархистские группы Уругвая, заявлявшие о необходимости перехода от «метафизики и научных формул»⁴¹ к конкретной защите рабочих, не стремились к объединению с коммунистами даже в рамках профцентра, объясняя это тем, что «ни одна революция не приводит к свободе», а значит целью борьбы должно быть не создание государства рабочих и крестьян, а ликвидация самого государства, которое «должно уйти в небытие вместе с капиталом»⁴². Аполитичность, свойственная FORU и USU в начале XX в., стала в 1930-е годы объектом глубокой самокритики, регулярно появлявшейся на страницах периодической печати⁴³. Критике подвергались и идеи совместной работы анархистов с PCU, которую упрекали в том, что она «оперирует старыми марксистскими убеждениями»⁴⁴.

Выступления представителей Коминтерна о состоянии профсоюзного движения в Уругвае 1935—1938 гг. показывают, что «всемирная коммунистическая партия» считала работу компартии с профсоюзами самым слабым аспектом ее деятельности. В докладе члена КП Уругвая Мариу Бареля о ситуации в стране, сделанном для Секретариата Ван Мина* (27 ноября 1935 г.), указывается, что рабочие, вступающие в коммунистические проф-

* Ван Мин — член Бюро Исполкома Коминтерна. С 1935 г. отвечал за развитие движения в колониальных и полуколониальных странах, в том числе в Азии и Латинской Америке.

союзы, были разочарованы их деятельностью: «Они пошли к нам, а мы проводили ту же самую политику, что и анархистские вожди». PCU, по словам Барелья, сама делала все, чтобы разорвать единый фронт, сознательно отказываясь от участия в манифестациях, проводившихся анархистами. «Нужно признать, что мы поступили неправильно в данном вопросе, что мы ошибались, что мы отстали и теперь это признаем»⁴⁵, — писал Барелья.

Э.Гомес в своих отчетах для Коминтерна 1937 г. отмечал, что партия отстает в том, что «касается основной задачи — профсоюзного единства». Среди совершенных ошибок лидер партии называл «плохую организацию и неудовлетворительную работу некоторых товарищей», которые представили «вместо осуществимого проекта ряд неудачных предложений», а также нежелание профсоюзных лидеров страны участвовать в работе Народного фронта⁴⁶.

В резолюции Секретариата Ван Мина об Уругвае, принятой 31 мая 1937 г., указывается, что работа с профсоюзами является одним из наиболее слабых мест деятельности партии. Резолюция рекомендовала компартии не только наладить работу по объединению существовавших профцентров, но стараться создавать новые организации, помогая неорганизованному пролетариату бороться «за его неотложные требования»⁴⁷.

К 1937 г. компартия не смогла добиться создания единого профсоюзного движения. И промышленный, и сельскохозяйственный пролетариат оставались разнородными и неорганизованными. Комитет единства не стал эффективным инструментом для решения политических задач, а единая партия трудящихся так и осталась мечтой, к реализации которой PCU уже не возвращалась. Влияние компартии, снижавшееся в целом по стране в 1933—1938 гг., оставалось заметным лишь в столице и нескольких крупных городах. После избрания в 1938 г. президентом Уругвая Альфредо Бальдомира, восстановившего многие демократические права и свободы, PCU вернула себе легальный статус, но не вернула утраченных позиций в политическом пространстве. Очередной шаг по объединению рабочих был предпринят уже в 1942 г., накануне роспуска Коминтерна, когда в Уругвае был создан — по-прежнему с минимальным влиянием коммунистов — Всеобщий союз трудящихся⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. Alfonso. Secretos del PCU. Montevideo, 2007.

² G. Leiner. Camaradas y compañeros. Una historia política y social de los comunistas del Uruguay. Montevideo, 2011.

³ M. Schultze. Aquellos comunistas (1955—1973). Montevideo, 2009.

⁴ J. P. Ciganda, F. Martínez, F. Olivari. ¿Nos habíamos amado tanto? Crisis y peripecias de un partido. Montevideo, 2013.

⁵ A. Couriel. La izquierda y el Uruguay del futuro. Montevideo, 2004, p. 191.

⁶ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 44. М., 1970, с. 348—349.

⁷ C. Zubillaga, J. Balbís. Historia del movimiento sindical uruguayo, tomo 1. Cronología y fuentes (hasta 1905). Montevideo, 1985, p. 27.

⁸ A. Sendic. Movimiento obrero y luchas populares en la historia uruguaya. Montevideo, 1985, p. 11.

⁹ G. Fernández, D. Vidal. Orígenes del Movimiento obrero y la 1° huelga general en Uruguay. Montevideo, 2012, p. 14.

¹⁰ M. Zlobato. La prensa obrera. Buenos Aires y Montevideo. 1890—1958. Buenos Aires, 2009, p. 15.

- ¹¹ Н.С а т а г е р о. A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920—1935. Buenos Aires, 2007, p. 69.
- ¹² А.С е н д і с. Ор. cit., p. 37.
- ¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495, оп. 20, д. 400, л. 12.
- ¹⁴ Там же, д. 398, л. 4.
- ¹⁵ Там же, оп. 101, д. 45, л. 15.
- ¹⁶ Тезисы о тактике Коммунистического Интернационала — <http://leninism.su/books/4226-vilenin-i-kommunisticheskij-internacional.html?showall=&start=18>
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 131, д. 5, л. 2.
- ¹⁸ А.С е н д і с. Ор. cit., p. 45.
- ¹⁹ В. Л. Х е й ф е ц, Л. С. Х е й ф е ц. Коминтерн и создание коммунистического движения в Центральной Америке. — Латинская Америка, 2003, № 12, с. 63; В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Новые шаги на пути исследования работы Коминтерна в Мексике. — Латинская Америка, 2009, № 10, с. 106. Своеобразной была ситуация в Перу. Подробнее см.: И. И. Я н ч у к. На пути к Народному фронту: 3-я конференция латиноамериканских коммунистов 1934 года. — Латиноамериканский альманах, 2002, № 3, с. 151—180.
- ²⁰ А.С е н д і с. Ор. cit., p. 38.
- ²¹ Е. G ó м е z. La historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1961). Montevideo, 1990, p. 59.
- ²² Г.М.А д и б е к о в, Э.Н.Ш а х н а з а р о в а, К.К.Ш и р и н я. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997, с. 40.
- ²³ Е. G ó м е z. Ор. cit., p. 59.
- ²⁴ Ф.И.Ф и р с о в. Сталин и Коминтерн. — Вопросы истории, 1989, № 8, с. 11.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 25, д. 891, л. 4—5.
- ²⁶ Ф.И.Ф и р с о в. Указ. соч., с. 19.
- ²⁷ Д.З.М а н у и л ь с к и й. Лицом к боевым задачам Коминтерна. — Борьба классов, 1931, № 2, с. 6.
- ²⁸ Н.С а т а г е р о. Ор. cit., p. 124; В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Дорога в Буэнос-Айрес. История подготовки первой конференции компартий Латинской Америки. — Латинская Америка, 2014, № 7, с. 52—73.
- ²⁹ Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1998, с. 82.
- ³⁰ А.Б.Т о м а с. История Латинской Америки. М., 1960, с. 289.
- ³¹ F.R.P i n t o s. Historia del Uruguay (1851—1938). Montevideo, 1946, p.167.
- ³² Centro de las investigaciones de la historia y cultura izquierda (CEDINCI). Colección 10. La Internacional Comunista y su relaciones con Partido Comunista de la Argentina. Caja 2, serie 13, p. 65.
- ³³ R.P o r r i n i. El sindicalismo uruguayo en el proceso historico nacional (1870—2006). — <http://www.1811-2011.edu.uy/B1/content/el-sindicalismo-uruguayo-en-el-proceso-histórico-nacional-1870-2006?page=show>
- ³⁴ CEDINCI. Caja 2, serie 13, p. 47.
- ³⁵ Ibid., serie 16, p. 28.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 350, л. 23.
- ³⁷ В.И.Л е н и н. Указ. соч., с. 389.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 350, л. 18—21.
- ³⁹ Там же, л. 28—29.
- ⁴⁰ Б.И.К о в а л ь. Рабочее движение в Латинской Америке (1917—1959). М., 1979, с. 57.
- ⁴¹ Solidaridad. Montevideo, 1.V.1937, p. 10.
- ⁴² Ibid., p. 15.
- ⁴³ Solidaridad. Montevideo, 1.V.1942, p. 28.
- ⁴⁴ Solidaridad. Montevideo, 1.V. 1937, p. 2.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 101, д. 45, л. 15—17.
- ⁴⁶ Там же, оп. 20, д. 400, л. 11—12.
- ⁴⁷ Там же, оп. 131, д. 38, л. 35.
- ⁴⁸ С.А.Г о н и о н с к и й. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, с. 335.